
УДК 316.74:80; 81.33

ЕВСЕЕВА Я.В.* АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ: НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ. (Обзор). DOI: 10.31249/rsoc/2021.01.02

Аннотация. Обзор освещает теоретические вопросы социолингвистики и их практическое воплощение, в частности в языковой политике. Рассматривается взаимосвязь между социолингвистикой и смежными дисциплинами, прежде всего с социологией языка. Аллан Белл, бывший главный редактор ведущего социолингвистического журнала *Journal of sociolinguistics*, прослеживает основные тенденции в дисциплине за последние два десятилетия. Моника Хеллер, нынешний главный редактор указанного журнала, осуществляет социальную критику лингвистики как науки, т.е. проводит анализ с позиций критической социолингвистики. Обзор также включает материалы первого номера российского журнала «Социолингвистика» и, таким образом, привлекает внимание к вопросам, стоящим на повестке дня отечественной социолингвистики.

Ключевые слова: социолингвистика; социология языка; социолингвистические журналы; языковая политика; многоязычие; социальное неравенство.

EVSEEVA Ya.V. Topical issues in sociolinguistics: a study of sociolinguistic journals. (Review).

Abstract. The review highlights theoretical issues of sociolinguistics and their practical implementation, for instance in language policy.

* Евсеева Ярослава Вячеславовна – старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: yar_evseeva@mail.ru

The relationship between sociolinguistics and related disciplines, particularly the sociology of language, is studied. Allan Bell, former editor of the leading sociolinguistic journal, *Journal of sociolinguistics*, traces major trends in the discipline over the past two decades. Monica Heller, the journal's current editor, carries out social criticism of linguistics as a science, i.e. conducts analysis from the standpoint of critical sociolinguistics. The review also includes materials from the first issue of the Russian journal *Sociolinguistics*, thus drawing attention to the issues on the agenda of Russian sociolinguistics.

Keywords: sociolinguistics; sociology of language; sociolinguistic journals; language policy; multilingualism; social inequality.

Для цитирования: Евсева Я.В. Актуальные вопросы социолингвистики: на материале социолингвистических журналов. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11 : Социология. – 2021. – № 1. – С. 20–45. – DOI: 10.31249/rsoc/2021.01.02

Аллан Белл (Оклендский технологический университет, Новая Зеландия), бывший главный редактор ведущего социолингвистического журнала *Journal of sociolinguistics*, очерчивает развитие дисциплины в последние 20 лет и свое видение ее проблем и задач сквозь призму рассказа о своем руководстве журналом [Bell, 2017]. А. Белл основал журнал в сотрудничестве с другим выдающимся социолингвистом Николасом Купландом в 1997 г. и оставался у его руля в течение 21 года. По его словам, его целью как главного редактора социолингвистического журнала было услышать как можно больше голосов, поскольку социолингвистика для него – это не что иное, как изучение множества голосов в обществе; она рассматривает язык как социальный факт, как воплощение идентичности, как интеракцию, как коммуникацию, как выразительное средство и как мост между индивидом и Другим. Индивиды в обществе погружены в массу диалектов, жанров, стилей и др. При этом язык отражает как позитивные, так и негативные черты наших обществ: социальное неравенство выливается в лингвистическое неравенство, и язык воспроизводит неравенство – структурное, демографическое, властное, гендерное, этническое и пр. По мнению лингвиста и антрополога Д. Хаймса, один из способов вообразить общество, в котором мы хотели бы жить, – это представить себе, чьи голоса мы бы хотели слышать [Hymes, 1996].

За истекшие два десятилетия, отмечает Белл, методологическая база социолингвистики расширилась, как и спектр анализируемых данных. Он характеризует основные тенденции, нашедшие отражение в публикациях в журнале *Journal of sociolinguistics* за этот период. Во-первых, постепенно становилось очевиднее слияние социального и лингвистического, что изначально лежало в основе понимания социолингвистики Беллом и Купландом. Белл не принимал к публикации статьи, в которых преобладал чисто лингвистический подход и было слабо представлено социальное измерение. Кратко отвечая на вопрос: «Что есть язык», – Белл описывает его как социально-диалогически-идеологическое явление. Во-вторых, не в последнюю очередь благодаря журналу под руководством автора в социолингвистике усилился интерес к социальной теории. Поскольку ответив на вопрос: «Что есть язык», – социолингвист должен задаться вопросом: «Что есть общество». С самого своего основания журнал поддерживал социально-теоретические исследования. Так что теперь Белл наблюдает большое количество работ, привлекающих самые разные теории; из наиболее актуальных – так называемая южная теория. Кроме того, очевиден тренд на междисциплинарность. В-третьих, за время существования журнала большую популярность приобрели исследования стилей, которые авторы публикуемых в журнале статей проводили не только посредством традиционных количественных, но и с помощью качественных методов. В-четвертых, наблюдается диверсификация социолингвистической области. Появляются новые журналы, например *Culture, language and society*, которые находят свою нишу, как в свое время *Journal of sociolinguistics*. Новые возможности открывают новые технологии; так, анализ больших данных способствует развитию гражданской социолингвистики. Беллу представляется интересным провести параллель между продуктами новых технологий и их предшественниками, например между блоготворчеством и дневником, между сообщением в WhatsApp и открыткой. В-пятых, Белл отмечает появление новых ортодоксий. Он, в частности, приветствовал возвращение интереса к структуре в противовес агентности; акцент на последней должен был способствовать либерализации, однако данный тренд оказался слишком близок к дискриминирующим неолиберальным конструктам индивидуальной ответственности. В-шестых, автор

стремился развивать сравнительно-исторический подход. Ни мультикультурализм (вкуче с многоязычием), ни массовое исчезновение языков не возникли в современную эпоху, так что нынешняя ситуация своеобразна, но не уникальна и может быть сопоставлена с другими эпохами. То же касается и идей и теорий в социолингвистике. Он призывает вновь и вновь обращаться к восходящему к 1950–1960-м годам наследию основателей дисциплины (Уильяма Лабова и др.) и переосмысливать его на новом этапе. За то время, пока А. Белл был главным редактором *Journal of sociolinguistics*, журнал стал лидером социолингвистической области, и, передавая полномочия Монике Хеллер, исследователь ожидает увидеть в нем еще немало интересных и важных публикаций.

Моника Хеллер (Торонтский университет, Канада), нынешний главный редактор *Journal of sociolinguistics*, отмечает, что, будучи читателем журнала, она благодаря ему не только знакомилась с передовыми исследованиями, но и открывала для себя вопросы и подходы, о которых не узнала бы из других источников [Heller, 2018]. Поэтому свою задачу как главного редактора она видит в сохранении лучших традиций ведущего журнала и поддержании его инновационного характера. Помимо теоретических тематических выпусков она планирует положить начало рубрике «Диалоги», отражающей неформальные дискуссии ученых в перерывах конференционных секций по таким вопросам, как активизм, участие в общественных дебатах, проблемы полевых исследований. Обсуждаться и рецензироваться будут не только новые книги, но и публикации социолингвистов на различных вебсайтах, в блогах и социальных сетях. Она будет стремиться развивать междисциплинарные исследования, а также расширять географию публикуемых авторов. В содержательном плане исследовательница так представляет себе перспективы и направление развития социолингвистики [Heller, 2020]. Для Хеллер центральной является проблема равенства. Она анализирует, как этот вопрос решался в социолингвистической науке до настоящего времени и какую форму этот процесс может принять в будущем.

С точки зрения Хеллер, темы равенства и эмансипации были ключевыми в различных социолингвистических проектах в период деколонизации и холодной войны. В дисциплинарном отношении эти работы относились к вариационной социолингвистике, этно-

графии коммуникации, лингвистической антропологии, социологии языка. Поскольку в большинстве своем они исходили из позитивистских оснований, различия в лингвистических формах и практиках рассматривались в них как нейтральные и, соответственно, равноценные. Это соотносится с общим либеральным видением мультикультурализма и многоязычия, в соответствии с которым различия не носят радикальный, структурно-иерархический характер. Особым фокусом внимания социолингвистов, в отличие от лингвистов, стали «проблемные» явления, не вписывающиеся в универсальную лингвистическую систему правил. Но изучали они их с тех же «объективных» позиций.

Согласно ряду исследователей [см., например: Hanks, 2010], рассмотрение лингвистических феноменов в рамках системы координат, базирующейся на, казалось бы, универсальных и нейтральных принципах, напротив, задает определенный угол зрения и, следовательно, порождает властное неравенство. Так, лингвистическое описание единиц языка майя и испанского языка, соответственно, обеспечивает специфическое (лингвистическое) понимание данных феноменов, но в то же время оно служит одним из инструментов империализма и дискурса завоевания и подчинения. И подобной лингвистической системой координат мы пользуемся по сей день. Материалы любых языков в лингвистике структурируются одинаково, что не позволяет определить, как и почему они могут занимать разные места в ценностной иерархии. А маскировать иерархию – значит позволять ей воспроизводиться. Хеллер полагает, что в этом состоит основная проблема социолингвистики, имеющая лингвистические корни. По ее словам, социолингвисты пытаются понять, почему ценностные иерархии по-прежнему существуют, хотя под ними отсутствует какая-либо научная база.

Так же воспроизводятся социальные категории, которые отражают неравное распределение ресурсов, лежащее в основе властных отношений. Расиализация, феминизация, сексуализация, инфантилизация Другого проистекают из долгой капиталистической и колониальной истории. Посредством категорий, разделяющих «нас» и «их», социальные различия были поставлены на службу производства социального неравенства. Маскулинность, принадлежность к белой расе и высшему либо среднему классу,

гетеронормативность – вот характеристики того, кто задает правила игры. Соответственно, язык образованного мужчины из данных классов принимается за стандарт, а другие языки становятся субстандартами (арго, жаргон, детский язык, просторечие и др.). Целью социолингвистики была эмансипация от этого режима истины (по Фуко). Социолингвисты стремились признать языки стигматизированных других – женщин, афроамериканцев в США, выходцев из стран Магриба во Франции и др., языки коренных народов и малые языки. Однако широкомасштабный историко-семиотический анализ и критика релевантности данного режима истины проведены не были. Не были заданы вопросы о том, почему сформировались именно такие лингвистические иерархии, были приняты именно эти категории, именно в этих обществах и именно в эти эпохи. А также почему, например, эмансипация мыслилась только в рамках системы национального государства.

Таким образом, по мнению Хеллер, социолингвисты должны задаться вопросом, почему язык продолжает быть территорией социального неравенства и именно в данных формах. Выше было сказано о его функционировании в качестве легитимирующего дискурса. Дальнейшие исследования в этом направлении могут прояснить, в каких условиях находятся разные социальные акторы и как они способствуют воспроизводству этих условий. Хеллер считает, что такой подход позволит отойти от модернистской модели линейного прогресса и представить себе альтернативные модели равенства и эмансипации. Наконец, по-прежнему актуален вопрос о двух частях понятия «социолингвистика». Часть идеологии национального государства состояла в разделении населения и языка, т.е. «социо» и «лингвистики». Несмотря на усилия по преодолению этого разделения, лингвисты до сих пор рассматривают язык как автономную область, и социолингвистика унаследовала данное положение вещей. Поэтому Хеллер призывает шире взглянуть на социальный процесс и роль языка в нем. Она полагает, что реализация проекта эмансипации и равенства в современных условиях должна предвлекаться размышлениями о том, чем для нас является язык и что он нам дает именно сейчас.

В 2020 г. в российской науке произошло важное событие: увидел свет первый номер журнала «Социолингвистика» – первого отечественного социолингвистического журнала, издаваемого Ин-

ститутом языкознания РАН (Москва) и Орловским государственным университетом им. И.С. Тургенева при участии Ассоциации российских социолингвистов. По утверждению членов редколлегии, отечественная социолингвистика на данный момент достигла существенных результатов, среди которых – значимые теоретические и эмпирические исследования, выпуск энциклопедий и учебных пособий, введение социолингвистики в вузовское обучение. Они полагают, что на современном этапе в фокусе внимания находятся такие задачи, как развитие и переосмысление ключевых социолингвистических понятий (родной и государственный язык, языковая политика и пр.) и применение междисциплинарных подходов для анализа социальных практик, идеологий и установок, лежащих в основе выбора языка / языков. Первый номер освещает следующие вопросы: социолингвистика в ряду других дисциплин, языковое планирование, полевые исследования функционирования языков народов РФ. Также в номере опубликованы: статья о государственном языке в рубрике «Словарь социолингвиста», заметки о первом заседании дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике Института языкознания РАН, хроника научной жизни (круглый стол о языковой политике в Крыму), работа молодых ученых и рецензия. Обращает на себя внимание тот факт, что, не будучи тематическим, номер в значительной мере посвящен государственной политике в отношении языков Российской Федерации, что свидетельствует об интересе отечественных социолингвистов к данной теме.

Очерчивая границы социолингвистической области, В.М. Алпатов (Институт языкознания РАН, Москва) указывает на то, что они по-прежнему не являются полностью определенными [Алпатов, 2020]. По его мнению, некоторые авторы излишне раздвигают границы дисциплины. Так, В.И. Беликов и Л.П. Крысин полагают, что к социолингвистической области не относятся лишь исследования внутренней структуры языка, в то время как любое использование языка его носителями суть объект социолингвистики [Беликов, Крысин, 2001]. Однако имеют место также когнитивная лингвистика, лингвистическая антропология, психолингвистика и другие дисциплины, тоже связанные с функционированием языка. С точки зрения Алпатова, индивидуальные отношения между человеком и миром, изучаемые психолингвистикой и

нейролингвистикой, к социолингвистике не принадлежат. Но и сама по себе языковая коммуникация, пусть это и социальное явление, необязательно относится к ведению социолингвистики, поскольку устная речь, текст, диалог и пр. могут изучаться с чисто лингвистических позиций. И ставить социолингвистику в один ряд с прагматикой и теорией речевых актов либо включать ее в лингвистику речи означало бы, считает Алпатов, слишком зауживать ее границы. Еще в 1970-х годах Л.Б. Никольский писал, что функционирование языка изучают и лингвистика, и социолингвистика, но если для первой язык гомогенен и членится изнутри, по вертикали (фонология, морфология, синтаксис и пр.), то вторая видит свой объект гетерогенным, членимым по горизонтали (литературный язык и просторечие, территориальные и социальные диалекты и т.п.) [Никольский, 1976].

Также Алпатову представляется важным провести водораздел между социолингвистикой и социологией языка (лингвосоциологией). Здесь он следует В.И. Беликову и Л.П. Крысину, согласно которым социолингвист изучает языковые явления, обусловленные теми или иными социальными факторами, а социолог использует лингвистический материал для объяснения социальных явлений [Беликов, Крысин, 2001]. В целом же автору статьи близко определение социолингвистики, даваемое в Словаре социолингвистических терминов, как отрасли языкознания, изучающей проблемы, сопряженные с социальной природой языка, его социальными функциями, влиянием социальных факторов на язык и ролью языка в жизни общества [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 207]. Такое определение видится ему ни слишком узким, ни слишком широким.

В.Ю. Михальченко (Институт языкознания РАН, Москва) анализирует социолингвистическую классификацию письменных языков мира, разработанную в 1988–2002 гг. учеными Университета Лавалья (г. Квебек, Канада) [Михальченко, 2020]. В рамках данного проекта исследовались языки ряда стран Европы и Америки, а также Китая и Индии. Шестой том был посвящен языкам России. В основу классификации была положена так называемая витальность (жизнеспособность) языков, определяемая объемом их социальных функций и интенсивностью использования в основных сферах общественной жизни – науке и образовании, мас-

совых коммуникациях, суде, производстве, политике и административной деятельности, религии. Автор статьи предлагает добавить в этот список искусство, в том числе литературу. Кроме того, по ее мнению, данные показатели должны уточняться демографическими и социальными факторами, а именно: числом носителей языка; соотношением этого числа с численностью этнической группы; характером использования языка младшим поколением; наличием / отсутствием программ поддержки языка. Михальченко считает, что начатая в Квебекском университете работа должна быть продолжена. На ее взгляд, необходимо уточнить как общее количество языков мира, так и количество письменных языков и постепенно составить социолингвистическую классификацию всех языков, а затем и «языковую биографию мира», выявляющую пути развития языков и типы этого развития.

А.А. Кибрик представляет проект программы сохранения языкового разнообразия России [Кибрик, 2020]. По его утверждению, в ситуации массового исчезновения языков, имеющего место в современной России, необходимо предпринимать целенаправленные шаги по сохранению языков. По его данным, на настоящий момент в стране насчитывается порядка 153 языков [там же, с. 18]. При этом в России на один язык приходится втрое больше площади, чем в США, в 60 раз больше, чем в Нигерии, и в 200 раз больше, чем в Папуа – Новой Гвинее. Соответственно, проще реализовать предлагаемые меры по сохранению языкового разнообразия. Исчезновение языков – глобальное явление, указывает автор. В соответствии с пессимистичными оценками, более половины существующих на данный момент языков исчезнет к концу века [Austin, Sallabank, 2011]. В России за последние 150 лет вымерло 15 языков, половина из них – в постсоветский период; еще 17 находятся на грани исчезновения (прежде всего языки Севера и Сибири, затем Кавказа). Как и в других странах и регионах, в России население постепенно переориентируется на наиболее престижный язык, в данном случае русский.

По мнению Кибрика, поскольку язык формируется в раннем детстве и является средством повседневного общения в устной форме, в центре программы должна находиться проблема передачи языка маленьким детям, что не всегда учитывается в государственной языковой политике. Все нуждающиеся в поддержке язы-

ки делятся на средние (в России это официальные языки республик) и малые. Последние могут быть охарактеризованы как находящиеся под угрозой исчезновения, исчезающие (процесс передачи прерван), находящиеся на грани исчезновения (осталось небольшое количество пожилых носителей). В случае средних и первой группы малых языков необходимо повышать престиж языка. В ситуации исчезающих языков эффективным оказался метод языковых гнезд (маленькие дети «погружаются» в язык в специализированном дошкольном учреждении, где все воспитатели и обслуживающий персонал общаются с ними только на соответствующем языке). Для каждого из находящихся на грани исчезновения языков необходим отдельный лингвистический проект, и особую роль здесь играют энтузиасты возрождения языка. Так, корнский язык вымер еще в XVIII в., но в конце XX в. был возрожден активистами.

Таким образом, предлагаемая автором программа включает в себя следующие элементы: государственная поддержка; научная методика; сеть активистов, опирающихся в том числе на НКО; система культурно-языковых центров, задействующих в работе пожилых носителей языка; поддержка СМИ; формирование соответствующего языкового ландшафта (указатели, вывески и пр.).

Две статьи номера посвящены языковому прогнозированию и планированию как инструментам языковой политики. М.Я. Каплунова рассматривает ведущие социолингвистические методы прогнозирования, а также методы, которые могут быть почерпнуты из смежных наук [Каплунова, 2020 б]. Научное прогнозирование, отмечает автор, позволяет проследить, как будет развиваться изучаемое явление в течение рассматриваемого периода, и определить, как достичь искомого положения вещей. Востребовано как нормативное, так и поисковое прогнозирование; последнее анализирует альтернативы развития на базе имеющихся тенденций.

Как указывает Каплунова, в социолингвистике традиционно используются статистические методы. В таком случае прогнозирование основывается на группировке данных, полученных в результате несплошного наблюдения (наблюдение основного массива, анкетирование, выборочное наблюдение – подробное описание того или иного явления). В ходе конференций на местах и полевых исследований осуществляется проверка данных переписи населе-

ния. Ученые, занятые полевыми исследованиями, применяют метод количественного анализа, базирующийся на данных о количестве представителей определенного этноса, числе говорящих на языке данного этноса, числе билингвов и пр., а также проводят анкетирование и интервьюирование информантов из данной местности. На основе таких данных, как возраст информантов, сфера их деятельности и уровень владения родным языком, определяется коммуникативная мощность данного языка; кроме того, анализируются региональные демографические процессы (движение населения). В результате оцениваются перспективы функционирования языка при сохранении существующей динамики. На последующее развитие ситуации, по мнению автора, наибольшее влияние будут оказывать социально-классовые, конфессиональные и этнические факторы – как наиболее конфликтогенные. Необходимо также учитывать административные и географические особенности региона, как и его экономические характеристики.

Кроме того, по мнению Каплуновой, можно прибегнуть к методу ситуационного анализа, который, как она указывает, иногда приравнивают к SWOT-анализу, рассматривающему сильные и слабые стороны того или иного объекта, а также возможности и угрозы в отношении него. В рамках как такового ситуационного анализа ситуация прогнозируется одним либо группой экспертов. В настоящее время существует также возможность обработки больших данных и их представления в виде графиков с помощью языков программирования, например Javascript, Python и др.; все большее применение получают математические модели в лингвистике, контент-анализ (использующийся, например, для оценки отношения общества к тому или иному закону о языке, на материале данных СМИ и социальных сетей). В итоге отдельные применяемые методы выходят за пределы социолингвистики, однако автор полагает, что это способствует выработке комплексного подхода, в котором нуждается такой сложный феномен, как язык.

А.Н. Биткеева (Институт языкознания РАН, Москва) и Моника Вингендер (Гисенский университет им. Юстуса Либиха, ФРГ) анализируют перспективы метода построения сценариев в исследованиях языковой политики России [Биткеева, Вингендер, 2020]. Под языковой политикой авторы статьи понимают сочетание идеологических принципов и практических мер, направлен-

ных на решение языковых проблем в государстве. На данный момент основное направление государственной языковой политики в стране определяется принятой в 2018 г. поправкой к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» о добровольности изучения родных языков (добровольное изучение по письменному заявлению родителей учеников). В СССР действовал территориальный принцип: помимо русского как языка межнационального общения выделялись языки союзных республик, языки автономных республик и языки автономных областей; этнокультурная идентичность во внимание не принималась. Распад Советского Союза привел к активизации этнического самосознания; в национальных республиках были приняты законы, придавшие языкам титульных наций статус государственных. Отмечался рост исследований языкового разнообразия.

На данном этапе авторы статьи отмечают сокращение числа таких работ, однако именно сейчас они особенно актуальны, полагают Биткеева и Вингендер, поскольку исчезновение языков меньшинств ускоряется, а в стране нарастают споры о вышеупомянутой поправке и государственной языковой политике в целом. Особую важность, с точки зрения авторов статьи, представляют мониторинг и прогнозирование языкового развития, включая анализ существующих и потенциальных языковых конфликтов. В ряду методов прогнозирования авторы предлагают обратить внимание на метод построения сценариев, который используется, в частности, в исследованиях международных отношений. Согласно определению, которого придерживаются Биткеева и Вингендер, сценарии представляют собой «структурно разные истории о том, как может развиваться будущее» [Riialand, Wold, 2009, p. 8]. Чтобы эффективно применяться в стратегическом планировании, сценарии должны быть правдоподобными (т.е. основанными на эмпирическом анализе), инновационными, краткими и понятными. По итогам анализа разных подходов авторы выделяют следующие критерии оптимальной языковой политики: системность, адекватность (условиям реализации), историчность, демократичность и приоритет многоязычия (в противовес монолингвизму).

Обычно предлагается несколько сценариев: лучший и худший, исходя из текущей ситуации, а также некоторое число промежуточных, амбивалентных вариантов, содержащих как жела-

тельные, так и нежелательные черты. Так, П. Кристиансен намечает десять сценариев языковой политики ЕС, располагающихся между двумя полюсами – многоязычной, демократичной, экологичной Европой, с одной стороны (лучший сценарий), и Европой, которую отличает лингвоцид («убийство» языков), иерархическая, гегемонистская политика – с другой [Christiansen, 2006]. В итоге ЕС может принять вид одного из четырех союзов – англоязычного союза, союза элит (ключевую роль будут играть доминантные языки), равноправного союза либо союза эсперанто (последний вариант носит скорее утопический характер). Биткеева и Вингендер полагают, что при переносе на российскую почву все четыре варианта несут в себе конфликтотенный потенциал.

Три основные модели языковой политики – унификация, поддержка языков, языковая нейтральность [см., например: Patten, 2003]. В первом случае результатом становится языковая конвергенция, во втором – положительная дискриминация в пользу «слабых» языков, что потенциально может привести к конфликтам, однако и третья стратегия не является однозначной и бесспорной. Х. Шиффман уточняет соответствующую классификацию и выделяет, соответственно, следующие оппозиции языковой политики: стимулирующая / толерантная; равноправная / ограничивающая; открытая / скрытая; политика *de jure* / *de facto* [Schiffman, 1996]. На основе данных классификаций Биткеева и Вингендер формулируют четыре сценария языковой политики в Российской Федерации.

1. **«Единство в многообразии».** *De jure* в России действует многокомпонентная модель языковой политики. В разных регионах она может принимать вид: а) однокомпонентной модели (только русский язык); б) двухкомпонентной модели (русский язык + республиканский государственный язык); в) трехкомпонентной модели (русский язык + два республиканских государственных языка); г) многокомпонентной модели (русский язык + несколько языков, например русский + языки остальных титульных народов Дагестана); д) дифференциальной модели (в отношении языков малочисленных народов / мигрантских общностей). *De facto* же имеет место моноязычное пространство, где русский язык доминирует во всех сферах функционирования. Однако, как отмечают авторы, в последние годы наблюдается рост активности за-

щитников родных языков народов России в основном из числа местной молодежи.

2. **Политика языковой монополии.** Такая политика была характерна для СССР, но может возобладать и в современной России.

3. **Полилингвальная языковая политика.** По мнению многих исследователей, это оптимальный вариант для многоязычных стран и союзов государств. Так, П. Кристиансен считает, что трехязычная модель в странах ЕС (родной язык + региональный язык + официальный язык) обеспечивает стабильность этнической идентичности у граждан ЕС [Christiansen, 2006].

4. **Нейтральная языковая политика.** В отношении России данный сценарий представляется авторам статьи маловероятным, поскольку трудно себе представить положение, при котором государство не вмешивается в ситуацию на местах, а носители сами определяют судьбу родных языков; помимо прочего подобный сценарий требует значительной степени самоорганизации общества. Биткеева и Вингендер полагают, что стране нужен новый закон о языках и новые языковые программы, и они надеются, что данная статья положит начало дискуссии о будущей концепции языковой политики в России.

Э.В. Хилханова (Институт языкознания РАН, Москва) рассматривает одну из ключевых проблем социолингвистики – многоязычие – на материале языка постсоветской эмиграции, а Ю.В. Дорофеев (Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования, г. Симферополь) и Н.И. Иванова (Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН, г. Якутск) характеризуют языковую ситуацию в Республике Крым и Республике Саха (Якутия), соответственно.

Как отмечает Хилханова, в Западной Европе на бытовом уровне все русскоязычные выходцы из бывшего Советского Союза воспринимаются как *русские*, без каких-либо этнокультурных различий [Хилханова, 2020]. Ученые же, в частности в Германии, чаще всего проявляют интерес к трем группам – этническим русским, русским евреям и русским немцам, оставляя без внимания другие этнические группы. В 2016 г. автор провела полевое исследование в странах Западной Европы, преимущественно в Герма-

нии и Франции, методами включенного наблюдения и полуструктурированного интервью. Из 26 информантов 24 родились в РСФСР (Бурятия и Якутия), 2 – в Казахской ССР; 7 имели степень кандидата наук, 17 – высшее образование, 2 – среднее специальное образование, т.е. речь идет об интеллектуальной миграции. Условно родной язык (язык данного этноса) был обозначен как Я1, русский – как Я2, иностранные – как ЯЗ-п (один или более). Я2 владели все. 11 человек (включая обоих информантов из Казахстана) владели Я1 на хорошем уровне (некоторые испытывали трудности с письмом, поскольку формальное образование получали исключительно на русском языке), 8 человек плохо владели Я1 (знание отдельных слов и выражений, отсутствие навыков чтения и письма), 7 человек не владели Я1.

В социолингвистической литературе, указывает Хилханова, выделяются четыре подхода к малым (миноритарным) языкам – негативная оценка, индифферентность, общая позитивная оценка, личная позитивная оценка (в отличие от предыдущей позиции положительное отношение здесь сочетается с желанием самому учить язык) [см., например: Smolicz, Secombe, 1985]. В другой работе автор показывает, что, в частности, среди бурятов превалирует третий подход [Хилханова, 2009]. Тем не менее в последние годы в поисках идентичности в глобализованном мире молодежь обращается к языку своего народа. Часть информантов автора, покинув родину, осознали свою этническую принадлежность и ощутили желание усовершенствовать знание Я1 (например, с помощью уроков в Интернете); другие же спокойно существовали в рамках так называемой символической этничности (этническая идентичность без каких-либо иных проявлений, кроме как такового представления о ней, в том числе без владения соответствующим языком).

В отношении же функционирования русского языка автор делает два основных вывода. Во-первых, в контексте миграции советская концепция русского языка как языка межнационального общения обретает «вторую жизнь». Русскоязычные мигранты общаются в своих собственных коммуникационных пространствах, строят собственный «серый» рынок труда и пр. Во-вторых, русский язык часто выполняет функции *inner language* («внутреннего» языка, применяемого для личных целей – общения с родствен-

никами, друзьями, в отличие от *outer language* – «внешнего» языка, необходимого для взаимодействия с коллегами, работодателями и др.). Я1 – если индивид им владеет – выступает в качестве *inner language* в общении с оставшейся на родине семьей, прежде всего представителями старшего поколения, родственниками, выросшими в деревне. В остальных случаях (в том числе с соотечественниками и другими русскоязычными знакомыми за границей) *inner language* служит Я2. *Outer language* – Я3-н. Тем самым, по словам Хилхановой, Я1 удовлетворяет потребность в идентичности, а Я2 – во взаимопонимании [Хилханова, 2020, с. 73].

Ю.В. Дорофеев на материале полевого исследования выявляет представления жителей Крыма о языковой ситуации в республике и, в частности, о расхождении между юридическим и фактическим статусом разных языков. На первом этапе исследования осуществлялось анкетирование (1000 человек из разных регионов полуострова), высветившее общие тенденции в использовании государственных (русского, украинского и крымско-татарского) и других языков. На втором этапе были проведены интервью с представителями разных этносов, продемонстрировавшие субъективные интерпретации языковой ситуации. Под языковой ситуацией автор понимает «исторически обусловленную и иерархически организованную макросистему/микросистему, охватывающую различные аспекты функционирования и развития языков и их форм в единстве с потребностями социума» [Дорофеев, 2020, с. 81]. Коммуникативные потребности социума определяют, в какой степени будут использоваться различные языки в полиязычной среде. Два важных понятия, используемые при описании языковой ситуации, – государственный язык и родной язык. По мнению автора, государственный язык суть инструмент взаимодействия индивида с государством, и большинство его респондентов разделяли эту точку зрения (порядка 54% полностью согласны, полностью не согласны только около 1%). Родной язык респонденты определяли как (в порядке убывания): «язык повседневного общения», «язык, на котором я думаю», «язык моей страны», «язык моих родителей», «язык моей этнической группы». То есть, делает вывод Дорофеев, родной язык – это прежде всего язык семейный. Поэтому для него не стали неожиданностью ответы информантов на вопрос: «может ли родной язык сохраниться лишь благодаря семейному воспита-

нию», – утвердительно ответили 58% (отрицательно – порядка 32%).

В соответствии с результатами переписи населения, проведенной в Крыму после присоединения к РФ, русским языком в 2014 г. владело 99,8% населения полуострова. Что касается языка, соответствующего этнической принадлежности, таковым владели 99,9% русских, 45,6 – армян, 44,6 – украинцев, 39,5 – болгар, 38,7 – крымских татар, 25,5 – греков, 22,8 – немцев, 4,9 – караимов, 2,6% – крымчаков. 66,8% информантов автора в повседневном общении использовали русский язык, русский и крымско-татарский – 8,4%, русский и украинский – 8,2%; родным русский считали 67,4%, крымско-татарский – 10,4, украинский – 4,4, русский и украинский – 11,8, русский и крымско-татарский – 3,6%. Более 31% назвали себя билингвами, и более 90% сообщили, что владеют двумя и более языками на хорошем уровне. 95% признали, что русский выполняет (либо скорее выполняет) функцию языка межэтнического общения. При этом 60% были убеждены, что три государственных языка должны быть равноправными и приблизительно по 29% считали обязательным знание украинского и крымско-татарского языка, соответственно. Порядка половины респондентов полагали, что государственная языковая политика в республике должна быть направлена на поддержание многоязычия, а более 28% были уверены, что необходимо расширять функционирование государственных языков во всех – официальных и неофициальных – сферах общения.

Чтобы всесторонне изучить этноязыковые установки двух основных этнических групп Якутии – якутов (саха) и русских, – Н.И. Иванова применяла в своем исследовании как традиционные социолингвистические (опрос, интервьюирование), так и психолингвистические процедуры (ассоциативный эксперимент) [Иванова, 2020]. Также анализировалась телевизионная речь. Автор поставила себе задачу проанализировать такие компоненты языковой ситуации, как: социальные условия в республике; характер языковой компетенции респондентов-саха в якутском и русском языках; этноязыковая идентичность респондентов-саха в г. Якутске; функциональный статус (определяемый функционированием языка в основных сферах официального и неофициального общения) якутского языка в сравнении с русским.

Как сообщает Иванова, Республика Саха – это преимущественно сырьевой регион с системными социоэкономическими проблемами (в частности, низкими показателями роста благосостояния населения). В результате масштабного освоения природных ресурсов сокращаются территории традиционного уклада коренных народов Севера, что важно для жизнеспособности их языков. Согласно всероссийской переписи 2010 г., городское население республики насчитывает более 64%, сельское – чуть меньше 36%; якутов – около 50%, русских – 38% (в Якутске – 47 и 38%, соответственно). Миграция из стран СНГ составляет порядка 20%; растет внутрирегиональная миграция, направленная в столицу республики.

Якутский язык определяется ЮНЕСКО как «уязвимый» (vulnerable). По итогам опроса, проведенного в 2007 г., около 73% респондентов-саха видели в языке основной этноразличительный признак, тогда как 51% наиболее важным считали национальное самосознание [Иванова, 2020, с. 100]. По утверждению П.А. Слепцова, якутский литературный язык воплощает в себе всю духовную культуру народа [цит. по: там же]; он наследует якутскому фольклору, национальному эпосу олонхо (признанному ЮНЕСКО шедевром устного нематериального наследия человечества).

В динамике языковой компетенции якутов прослеживаются следующие тенденции: 1) рост числа владеющих якутским языком в Якутске в результате внутренней миграции из сельских районов; 2) общее снижение уровня владения якутским языком (как итог несбалансированного билингвизма и недостаточно выверенной методики школьного преподавания); 3) повышение уровня владения якутским языком среди молодых горожан-саха как проявление лингвистического активизма; 4) негативные языковые явления (смешанная якутско-русская речь, нарушения норм обоих языков). Проведенные в 2008 г. (111 студентов-саха, 90 русских студентов) и в 2014–2016 гг. (126 студентов-саха, 106 русских студентов) ассоциативные эксперименты выявили еще ряд тенденций. Во-первых, наблюдается некоторое дистанцирование молодежи саха от якутского языка: в 2008 г. первая ассоциация с ним была «родной», затем «трудный», в 2014 г. эти слова поменялись местами; на третьем месте по-прежнему «красивый». Во-вторых, можно видеть стабильность позитивных установок по отношению к русско-

му языку: он, как и прежде, «великий», «богатый», «красивый» (но если в 2008 г. почти четверть студентов-саха назвали его родным, то в 2014 г. эта ассоциация отсутствовала; при этом появилось определение «легкий»). В-третьих, автор отмечает снижение негативных оценок якутского языка среди русских студентов: в 2008 г. он казался «непонятным», «сложным», «некрасивым», однако в 2016 г., пусть все еще сложный и непонятный, он был назван интересным и красивым. В-четвертых, среди русских студентов реакция «родной» (на русский язык) переместилась на третью позицию, что автор описывает как снижение тревоги за русский язык, т.е. нет необходимости утверждать его статус. В данных результатах Иванова усматривает тренд на улучшение межэтнических отношений и формирование более разноплановых идентичностей, особенно в столице. Что касается функционального статуса языков, автор статьи указывает на стабильное положение русского языка и недостаточное функционирование якутского языка в официальных сферах. По ее мнению, риски для всех этнических языков РФ общие: непоследовательная образовательная и языковая политика; влияние СМИ и Интернета; замещение рабочей силы из числа коренных народов мигрантами из Средней Азии. Экономические, социальные и политические условия могут не оставить человеку иного выбора, кроме интеграции в доминирующую культуру и моноязычия [Иванова, 2020, с. 106].

Журнал также публикует отчет о первом заседании дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике, состоявшемся в Москве, в Институте языкознания, 17 марта 2020 г. [Хилханова, Каплунова, 2020]. В нем приняли участие ученые, представители администрации президента, журналисты и активисты. Заседание открыл доклад директора Института и руководителя клуба А.А. Кибрика на тему сохранения языкового разнообразия России¹. Далее состоялась дискуссия по вопросам, рассмотренным в докладе. Первый вопрос касался того, нужно ли сохранять малые языки. Притом что прозвучало и мнение о нецелесообразности искусственного поддержания «умирающих естественной смертью» языков, большинство дискуссантов заняли противоположную позицию, сославшись, в частности, на желание самих носителей

¹ Статья А.А. Кибрика на данную тему освещается в настоящем обзоре.

знать язык своего этноса и передать его своим детям. Второй вопрос относился к стереотипным представлениям, с которыми, по мнению участников дискуссии, необходимо бороться. Прежде всего это связь, установившаяся между миноритарными языками и деревней, традиционным хозяйством: ученые стремились показать, что малые языки могут выжить и в современном городе, в частности благодаря семье, СМИ и Интернету. Дискуссанты также указывали на важность языковой идентичности как неотъемлемой составляющей идентичности индивида. В качестве мер поддержки малых языков назывались: преодоление «моноязычной идеологии» (Э.В. Хилханова), повышение в обществе престижа этнических языков и пропаганда положительного образа человека, владеющего помимо русского другими языками России. Также обсуждались детали внедрения программы сохранения малых языков.

Рубрика «Хроника научной жизни» рассказывает о международном круглом столе «Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму» (Институт языкознания РАН, Москва, 5–6 ноября 2019) [Каплунова, 2020 а]. В своем докладе Моника Вингендер (центр «Восточная Европа» Гисенского университета им. Юстуса Либиха, ФРГ) отметила, что в многоязычных странах всегда имеет место дилемма между желанием сохранить языковое разнообразие и потребностью в общем средстве коммуникации. Сотрудник того же центра Даниэль Мюллер обратил внимание на снижение между 2013 и 2018 г. количества российских школьников, обучающихся на этнических языках (высказано предположение о негативном влиянии ЕГЭ на данный процесс наряду с другими причинами). Большинство докладов касались многоязычия в Крыму. Как утверждали многие докладчики, положение с юридическим оформлением многоязычия в Крыму отражает общие тенденции в российском языковом законодательстве, для которого, по словам М.В. Орешкиной (Институт языкознания РАН, Москва), характерны декларативность, обобщенность и нечеткость формулировок, недостаточная проработанность механизмов реализации законов. Как сообщила Л.С. Селендили (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь), притом что в законе о государственных языках в Республике Крым пропагандируется многоязычие, предложение обязать местных чиновников знать два раз-

народных языка не было поддержано; на данный момент украинские школы упразднены, количество крымско-татарских школ сократилось. Что касается остальных языков региона (в частности, армянского, греческого, болгарского и немецкого), здесь наблюдается острая нехватка преподавателей и учебных материалов, хотя, как отметил Ю.В. Дорофеев (Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования, г. Симферополь), запрос на их изучение у населения есть. Доклад А.В. Ефимова (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Москва) касался сохранения нематериального наследия крымских татар, а доклад члена Союза композиторов Москвы Л.С. Бакши – музыкального фольклора крымчаков. М.П. Кляус (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Москва) сделала сообщение о языковой ситуации крымских болгар, Е.А. Кондрашкина (Институт языкознания РАН, Москва) сопоставила языковые ситуации в республиках с тремя государственными языками (Крым, Марий Эл и Мордовия). Отдельная секция была посвящена языковой биографии репрессированных народов России. Помимо Plautdietsch – языка крымских немцев-меннонитов (доклад Е.А. Либерт (Новосибирский государственный университет)), здесь рассматривались судьбы калмыцкого (А.Н. Биткеева (Институт языкознания РАН, Москва)), чеченского (М.Р. Овхадов (Чеченский государственный университет, г. Грозный)) и карачаево-балкарского языков (З.К. Айбазова (Институт языкознания РАН, Москва)). Анализировались такие вопросы, как развитие литературного языка, сокращение социальной и юридической базы языка в результате депортации народа, изучение языка и актуальные меры по его поддержанию. Завершающая секция была посвящена перспективам российской языковой политики. В частности, Э.В. Хилханова (Институт языкознания РАН, Москва) провела сравнительный анализ трендов в политике в отношении языков национальных меньшинств в России, Западной Европе, Австралии и США; она отметила двойственность российской языковой ситуации: с одной стороны, государство, опасаясь сепаратизма, делает ставку на централизацию, с другой – наблюдается рост лингвистического активизма. На закрытии круглого стола В.М. Алпатов (Институт языкознания РАН, Москва) представил рекомендации Научно-иссле-

довательского центра по национально-языковым отношениям (НИЦ НЯО) Института языкознания РАН в области языковой политики; среди них: разработка нового комплексного закона и регулярный мониторинг законов в сфере языковой политики; обследование языковой ситуации в регионах и экспертиза учебников; поддержка трудовых мигрантов в изучении русского языка; разработка программы по сохранению языков коренных народов; пропаганда многоязычия, издание большего количества литературы и расширение телевидения на языках народов РФ; разработка контента для дистанционного обучения языкам; создание центра мониторинга языковых ситуаций в регионах на базе НИЦ НЯО. Все это, по мнению участников круглого стола, послужит улучшению межэтнических отношений в стране.

Первая статья рубрики «Словарь социолингвиста», посвященная государственному языку, написана М.В. Орешкиной (Институт языкознания РАН, Москва) [Орешкина, 2020]. В соответствии с определением, даваемом автором, государственный язык – это язык, имеющий самый высокий юридический статус в государстве, выполняющий в нем интеграционную функцию, использующийся в официальных сферах общения и являющийся символом данного государства. Государство несет ответственность за сохранение и развитие государственного языка. Чаще всего, сообщает автор статьи, роль этого языка выполняет язык наиболее многочисленного народа данного государства; он же является и наиболее функционально развитым языком страны. По данным Википедии, у 178 стран есть государственный язык. При этом страна может иметь один, два или несколько государственных языков либо один государственный язык на всей территории в сочетании с государственными языками регионов. В некоторых странах (например, Великобритании и США) де-юре отсутствует государственный язык, однако он существует де-факто. Имеет место также понятие «официальный язык» как язык, применяемый в официальных сферах общения, т.е. это понятие уже понятия «государственный язык».

Русский язык был объявлен обязательным в армии, флоте и всех государственных образованиях в Своде законов Российской империи в 1906 г. Практически до конца существования Советского Союза статус русского языка не был закреплен законодательно;

лишь в Законе «О языках народов СССР» от 1990 г. он был назван официальным языком страны и средством межнационального общения. В 2005 г. вступил в силу ФЗ РФ «О государственном языке», где русский язык не только наделялся всеми присущими государственному языку чертами, но и подлежал охране. Например, в так называемой национальной (не региональной) кинопродукции должна отсутствовать русская нецензурная брань. В поправках, внесенных в Конституцию РФ в 2020 г., русский язык охарактеризован как язык государствообразующего народа. В 1992–2007 гг. свои законы о языках были приняты в 19 республиках страны; в Северной Осетии и Дагестане статус языков прописан в конституциях. За исключением Карелии (где единственным государственным языком является русский), везде государственными языками являются русский и национальные языки (таких 28).

В рубрике «Трибуна молодого ученого» опубликована статья О.И. Калинина (МПУ, Москва; Военный университет Министерства обороны РФ, Москва) и А.Д. Сузень (Военный университет Министерства обороны РФ, Москва), рассматривающих идеологему национальной мечты в медиапространстве КНР и США в качестве лингвокогнитивного феномена [Калинин, Сузень, 2020]. На первом этапе исследования ученые выделяют экстралингвистические факторы формирования данной идеологемы, на втором проводится контент-анализ корпуса медиатекстов на эту тему. Язык авторам видится основной формой существования идеологии. Вслед за Е.Г. Малышевой они понимают под идеологемой концепт, несущий в себе коллективное, стереотипное и подчас мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, политических институтах [Малышева, 2009]. Среди основных черт идеологем – национальная специфичность, семантическая динамичность, повышенная аксиологичность, наличие вербальных маркеров (ключевых слов, клише, метафор).

Исследование проводилось на материале новостных сообщений ведущих информационных агентств КНР (Синьхуа, Жэньминь Жибао и др.) и англоязычных медиаресурсов (CNN, Associated Press и др.). На первом этапе авторы вычленили следующие экстралингвистические факторы. Идеологема «китайская мечта» – это политический лозунг, воплощающий стратегию национального развития до середины XXI столетия. Цель прави-

тельства состоит в том, чтобы «дать возможность каждому человеку развиваться... и вносить свой вклад в общество» [Си Цзиньпин, цит. по: Калинин, Сузень, 2020, с. 138]. К 100-летию создания КНР (2049) должно быть построено богатое, могущественное, демократическое, цивилизованное, гармоничное и современное социалистическое государство [там же] с опорой на три постулата: верность китайскому пути, патриотизм и новаторство. Со своей стороны, американская мечта – это идея свобод и шансов, стремление стать настолько успешным, насколько это возможно, независимо от этнического происхождения; при этом она не привязана к государственным стратегиям. Проведенный на втором этапе исследования контент-анализ продемонстрировал частотность употребления лексем, образующих ядро концепта «национальная мечта». В случае Китая это лексемы, связанные с государственной властью и развитием (партия, социализм, модернизация, инновация, а в сочетаниях – «мечта + государство», «мечта + должна»). В американском контексте рассматриваемая идеологема сопряжена с повседневной жизнью индивидов (работа, миграция, доход, дети, соседство; в сочетаниях – «мечта + американская мечта», «мечта + борьба»). Таким образом, делают вывод Калинин и Сузень, китайская мечта представляет собой государственную идеологию, а американская мечта является национальной идеей и отражает общественные ценности. Авторы полагают, что использованный ими подход позволяет проанализировать идеологему как многоуровневый концепт и оценить ее потенциальное развитие.

Е.К. Молчанова представляет рецензию третьего выпуска «Толкового словаря русской разговорной речи»¹. Составители, по словам рецензента, стремились отразить разнообразные свойства русской разговорной лексики и особенности ее использования в различных ситуациях неформального общения. Источниками послужили записи устной речи, киносценарии, материалы из СМИ и Интернета. Под разговорной речью здесь понимается разновидность литературного языка, которой в неофициальных ситуациях пользуются представители городского образованного русскоязычного населения (прежде всего москвичи, в меньшей мере петер-

¹ Толковый словарь русской разговорной речи / под ред. М.Ю. Крысина. – М. : Языки славянских культур, 2019. – Вып. 3.

буржцы). Составители указывают на неоднородность лексики (словник включает более 12 тыс. слов) не только в стилистическом, но и в социальном и территориальном отношениях. Часть лексики маркирована в возрастном плане. Автор рецензии отмечает важную работу, проделанную составителями, и предлагает свои дополнения к лексическому наполнению словаря.

Список литературы

- Аллатов В.М.* Социоллингвистика и другие лингвистические дисциплины // Социоллингвистика. – 2020. – № 1. – С. 9–16.
- Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика. – М.: РГГУ, 2001. – 315 с.
- Биткеева А.Н., Вингендер М.* Сценарии в языковой политике России : вопросы концепции и методологии // Социоллингвистика. – 2020. – № 1. – С. 34–53.
- Дорофеев Ю.В.* О функционировании языков в Республике Крым (на основе социоллингвистического исследования) // Социоллингвистика. – 2020. – № 1. – С. 79–93.
- Иванова Н.И.* Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) в фокусе проспективной социоллингвистики // Социоллингвистика. – 2020. – № 1. – С. 94–108.
- Калинин О.И., Сузень А.Д.* Идеологема национальной мечты в массмедиа-дискурсе КНР и США // Социоллингвистика. – 2020. – № 1. – С. 133–146.
- Каплунова М.Я.* Международный круглый стол «Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму» (Москва, Институт языкознания РАН, 5–6 ноября 2019 г.) // Социоллингвистика. – 2020 а. – № 1. – С. 154–163.
- Каплунова М.Я.* Методы прогнозирования в социоллингвистике // Социоллингвистика. – 2020 б. – № 1. – С. 54–62.
- Кибрик А.А.* Сохранение языкового разнообразия России : контуры программы // Социоллингвистика. – 2020. – № 1. – С. 17–28.
- Мальшева Е.Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен : определение и классификация // Политическая лингвистика. – 2009. – № 4. – С. 32–40.
- Михальченко В.Ю.* Нереализованный потенциал социоллингвистики XX века // Социоллингвистика. – 2020. – № 1. – С. 29–33.
- Молчанова Е.К.* О современном исследовании разговорной речи // Социоллингвистика. – 2020. – № 1. – С. 147–153.
- Никольский Л.Б.* Синхронная социоллингвистика (теория и проблемы). – М.: Наука, 1976. – 168 с.
- Орешкина М.В.* Государственный язык // Социоллингвистика. – 2020. – № 1. – С. 109–123.
- Словарь социоллингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
- Хилханова Э.В.* Многоязычие постсоветской миграции : функциональный аспект // Социоллингвистика. – 2020. – № 1. – С. 63–78.

**Актуальные вопросы социолингвистики:
на материале социолингвистических журналов**

Хилханова Э.В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков : дискурсный и социолингвистический анализ (на материале языковой ситуации в этнической Бурятии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2009. – 38 с.

Хилханова Э.В., Каплунова М.Я. Первое заседание дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике (Москва, Институт языкознания РАН, 17 марта 2020 г.) // Социолингвистика. – 2020. – № 1. – С. 124–132.

Austin P.K., Sallabank J. Introduction // Cambridge handbook of endangered languages / ed. by P.K. Austin, J. Sallabank. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2011. – P. 1–24.

Bell A. Giving voice : a personal essay on the shape of sociolinguistics // J. of sociolinguistics. – 2017. – Vol. 21, N 5. – P. 587–602.

Christiansen P.V. Language policy in the European Union : European / English / elite / equal / Esperanto union? // Language problems a. language planning. – 2006. – Vol. 30, N 1. – P. 21–44.

Hanks W. Converting words : Maya in the age of the cross. – Berkeley (CA) : Univ. of California press, 2010. – XXIII, 439 p.

Heller M. Journal of sociolinguistics : continuity and renewal : editorial // J. of sociolinguistics. – 2018. – Vol. 22, N 1. – P. 3–4.

Heller M. Sociolinguistic frontiers : emancipation and equality // International j. of the sociology of language. – 2020. – N 263. – P. 121–126.

Hymes D. Ethnography, linguistics, narrative inequality : toward an understanding of voice. – L. : Taylor & Francis, 1996. – XIII, 258 p.

Patten A. Liberal neutrality and language policy // Philosophy & public affairs. – 2003. – Vol. 31, N 4. – P. 356–386.

Riialand A., Wold K.E. Future studies, foresight and scenarios as basis for better strategic decisions : working paper. – Trondheim : NTNU press, 2009. – 27 p.

Schiffman H. Linguistic culture and language policy. – L. ; N.Y. : Routledge, 1996. – XII, 351 p.

Smolicz J., Secombe M. Community languages, core values and cultural maintenance : the Australian experience with special reference to Greek, Latvian and Polish groups // Australia, meeting place of languages / ed. by M. Clyne. – Canberra : Australian National univ. press, 1985. – P. 11–38.